

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Джон Клеланд — открытие для русского читателя. Его роман XVIII века о Фанни Хилл, молодой провинциалке, попавшей в Лондон и быстро освоившей профессию женщины для утех, написан с такой лукавой живостью, с такой обезоруживающей откровенностью, что кажется талантливой литературной мистификацией.

«Следует иметь в виду, что секс и непристойность — не одно и то же. Непристойное произведение — это такое произведение, которое использует секс для возбуждения похоти. Изображение же секса, даже весьма откровенное, например, в живописи, литературе или научных трудах, само по себе не служит основанием лишать данное произведение конституционной защиты от посягательств на свободу слова и печати. Секс, великая и таинственная сила, оказывающая воздействие на человеческую жизнь, бесспорно, вызывает глубокий интерес у человечества на протяжении веков; он является одной из существеннейших сторон человеческого бытия и общественной заботы».

Эта длинная цитата — малюсенький кусочек из многостраничного решения нью-йоркского суда от 23 августа 1963 года, который после двухдневных

разбирательств признал полностью невиновным в «оскорблении общественного вкуса и морали» роман Джона Клеганда «Мемуары женщины для утех», широко известный по имени героини просто как «Фанни Хилл». Историко-культурный курьез: оправдательный вердикт в Америке вынесен через 214 лет после выхода романа в свет, хотя ни само произведение, ни его автор у себя на родине, в Англии (да и вообще в Европе, где десятки изданий романа на разных языках вышли еще полтора столетия назад), никаким преследованиям не подвергались. Иначе и быть не могло: «Фанни Хилл» не учебное пособие по технике плотских утех, составленное проституткой, а литературный памятник, созданный талантливым беллетристом.

Сведения о писателе разрозненны и не слишком многочисленны.

Родился Джон Клеланд в Англии в 1709 году. В 1722 году окончил престижную Вестминстерскую школу. В пору молодости оказался британским консулом в Смирне (так назывался когда-то современный турецкий Измир), откуда в 1736 году перебрался в Бомбей уже в качестве служащего Британской Ост-Индской компании. По причинам неизвестным подвергся опале и покинул Бомбей «в бедственном положении», затем много лет скитался по Европе, прежде чем вернуться на родину.

В 1747 (или 1748-м) году Дж. Клеланд, возможно спасая себя от долговой тюрьмы, продал издателю Р. Гриффитсу рукопись «Мемуаров женщины для утех» за двадцать гиней. (Гриффитс от издания романа получил десять тысяч фунтов стерлингов — доход, в 9500 раз превысивший авторский гонорар. С тех пор, замечу, взаимоотношения издателей

и творцов если и претерпели изменения, то к явной пользе первых.) В конце 1748 года лондонский журнал «Мансли ревью» объявил о готовящемся издании произведения. В свет оно вышло, очевидно, в следующем году. Ни одного экземпляра первого (двухтомного) издания не сохранилось. Издания, датированные 1749 годом, выходили вплоть до последней четверти XVIII века, но в них, по мнению специалистов, уже вносились изменения, «улучшения» и вставки в оригинальный авторский текст. В дальнейшем и изменений, и вставок, и изъятий стало много: известно более двух десятков вариантов «Фанни Хилл», скажем, на английском языке до сих пор в ходу четыре-пять вариантов романа, текст одного из них «осовременен и препарирован» самой Римско-католической церковью.

О второй половине жизни Дж. Клеланда известно больше. Литератор — писал романы («Мемуары сластолюбца», также переведенные на русский язык, «Нечаянности любви», «Человек чести»), трагические и комические пьесы. Критик — рецензировал литературные новинки в лондонских журналах. Ученый-филолог — углубленно исследовал проблемы всеобщего для Европы праязыка, писал трактаты по этимологии (в 1768 году вышел капитальный труд, название которого в переводе звучит как «Попытка этимологического словаря, или Опыт восстановления с помощью аналитического метода древнекельтского языка»). Увы, ничто из этого не смогло (а быть может, и не могло) сравниться в успехе с принесшей Дж. Клеланду всемирную славу книгой «Фанни Хилл». Умер писатель в 1789 году, не дожив нескольких месяцев до своего восьмидесятилетия. Похоронен он на родине, в Вестминстере.

Ныне, два с половиной столетия спустя после выхода в свет, «Фанни Хилл. Мемуары женщины для утех» считается классикой эротической литературы. (В сильной традициями Британии в среде добропорядочно-изысканных ханжей при упоминании «Фанни Хилл» по-прежнему принято делать вид — shocking! — шокированной добродетели. Так же, как, скажем, при упоминании леди Чаттерлей с ее любовником. Что, замечу, не мешало и по сию пору не мешает добропорядочным мамашам тайком подсовывать книжку дочерям-подросткам в целях «просветительских» и наставительных.)

В 1963 году американское издательство «Патнэм санз», завершив титаническую работу по восстановлению «Мемуаров женщины для утех», выпустило роман Дж. Клеганда в варианте, максимально приближенном к подлиннику. (Именно с этого текста и выполнен перевод на русский язык, который представлен читателю.) Вряд ли сыщется много классических шедевров с подобной судьбой: первоизданный текст утрачен, разошедшийся по всему миру еще в позапрошлом веке роман восстанавливался стараниями группы писателей и литературоведов по кусочкам, по крупичкам, разысканным в Британском музее, Национальной библиотеке Конгресса США, в частных коллекциях.

И вот, два века спустя после первой публикации, только-только очищенный от коросты «сладострастных» вставок роман (точнее — отрывок из него) попал в США под запрет. Между прочим, не один, а в компании, о «приличности» которой судите сами: в сборник, помимо «Фанни Хилл», были включены «Униженные и оскорбленные» Ф.М. Достоевского и «Золотой осел» Апулея. Иск на этот сборник по-

ступил в нью-йоркский суд от трех священников и одного блюстителя морали — общественника. Свидетелями защиты на процессе выступили известные в США писатели, поэты, критики, издатели, университетские преподаватели. Все они единодушно отстаивали достоинства «Фанни Хилл» как литературного произведения, пусть их оценки и разнились: от «умело написанного» до «исключительно интересного». Обвинение не смогло (и, очевидно, не могло) отыскать ни единого специалиста, который взялся бы опровергнуть эти оценки.

Возможно, кого-то из взявших книгу в руки это обстоятельство разочарует. Тьма современных глотателей газетной пошлости и телерадиоэфирного дурмана копаются в книжных развалах, отыскивая «чего-нибудь остренького», «чего-нибудь пикантного», «со страстью», «из клубнички». Начав читать письма Фанни Хилл, не останутся без удовлетворения и они: в откровенных описаниях жрицы утех место нашлось всему — и чувственному, и чувствительному, и поучительному.

Все же прежде всего это — литература.

Со школьных лет из «Евгения Онегина» памятно, что Татьяна «влюблялася в обманы / И Ричардсона и Руссо», а мать ее «была сама / От Ричардсона без ума». Пушкин называл (возможно, не без иронии) романы Ричардсона «славными». Одним из таких «славных» был роман «Кларисса, или История юной леди», изданный в Лондоне в 1747—1748 годах. Именно этому славному обману Ричардсона и стала антитезой (в своеобразной пародийной форме) история юной проститутки Фанни, которая описала безнравственную жизнь свою «с такою же свободой, с какою некогда жила ею». Свобода сделала

Фанни умелой рассказчицей, изящно выстроившей повествование в сюжетном отношении, красочной (в технике акварели) художницей слова, живо представившей и события, и персонажи, в событиях участвовавшие. Все это — приметы и достоинства искусства, литературы художественной...

Впрочем, не дано переводчику вторгаться во владения критиков и литературоведов.

В. Мисюченко

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Мадам!
Я берусь за перо и тем даю Вам неопровержимое доказательство, что Ваши пожелания я принимаю, как приказы, к неукоснительному исполнению. Какой бы неблагодарной ни была задача, я извлеку из памяти и выставлю на обозрение скандальную мою жизнь, пройдя по ступеням которой я в конце концов обрела все благодати, какие только в силах даровать нам любовь, здоровье и счастье. Пока еще не увяли цветы молодости, пока еще не слишком поздно предаваться неге праздности, даруемой мне полной свободой и немалым богатством, я хочу добиться понимания, естественно, не презрительного, ибо, даже будучи брошена жизнью в круговерть фривольных удовольствий, я смогла познать и понять людей, их привычки и нравы больше, чем то обыкновенно для тех в несчастном нашем ремесле, кто всякое размышление или воспоминание мнит своим злейшим врагом, гонит их от себя подальше, а то и уничтожает безо всякой жалости.

Я до смерти не люблю всякие долгие предисловия и Вас от них уберегу, не стану более понапрасну тратить слова на извинения за то, что взору Вашему предстанет безнравственная моя жизнь, о кото-

рой я пишу с такою же свободою, с какою некогда жила ею.

Правда! Полнейшая и голая правда — вот суть слов моих, и я не собираюсь изыскивать ухищрения, дабы прикрывать наготу ее кисейным флёрном. Нет! Происходившее со мной я стану писать теми же красками, какие в те времена отбирала сама природа, не заботясь о соблюдении пресловутых правил приличия, которыми никто никогда и не помышлял руководствоваться, погружаясь в такую пучину интимности, как наша. В Вас достаточно здравого смысла, и Вы слишком хорошо знакомы с подлинниками, чтобы позволить себе наперекор собственной натуре жеманно фыркать при виде их отображений. Самые великие среди людей, обладатели совершенного и превосходного вкуса, без стеснения украшают свои личные покои изображениями нагого тела, хотя, поддаваясь расхожим предрассудкам, склонны полагать, будто такие изображения неприлично развешивать по стенам парадных лестниц или в гостиных.

Оговорив — раз и навсегда — это, я сразу перехожу к истории своей жизни. В девичестве меня звали Френсис Хилл. Родилась я в небольшой деревушке близ Ливерпуля, в Ланкашире. Родители мои были до крайности бедны и, благочестиво верю я, до крайности честны.

Мой батюшка был увечен телом и не мог тянуть обычную для жителей наших мест лямку тяжелого труда; средства к пропитанию, весьма скудные, он добывал плетением сетей. Ненамного увеличивали доходы семьи и деньги матушки, которая содержала маленькую дневную школу для девочек нашей округи. Детей у родителей моих было несколько,

только все они, кроме меня, умерли во младенчестве, мне же природа даровала превосходное здоровье.

К четырнадцати годам я получила обычное для простонародья образование: все оно сводилось к умению читать, точнее, разбирать по складам, царапанию каракулей и немногим навыкам самых обиходных занятий. Основой же моих представлений о добродетели стали почти полная неосведомленность о грехе и зле да еще застенчивая робость, свойственная нашему полу в нежную пору жизни, когда необычное больше тревожит и пугает своей новизной, нежели чем бы то ни было еще. Надо сказать, от такого рода страхов часто излечиваются за счет чистоты и целомудрия по мере того, как девушка понемногу перестает видеть в мужчине хищного ловца, готового ее пожрать.

Бедная моя матушка все свое время без остатка делила между заботами об ученицах и малостью домашних хлопот, заниматься моим воспитанием ей почти всегда было некогда, к тому же она, сама защищенная ото всяческого зла присущим ей целомудрием, и помыслить не могла, что я нуждаюсь в предостережении или защите от чего-либо недоброго.

Мне шел пятнадцатый год, когда обрушилась на меня худшая из бед: я потеряла нежно любимых родителей — их обоих в несколько дней унесла оспа; батюшка умер первым и тем ускорил смерть матушки. В одночасье я стала горемычной сиротой, лишенной друзей и участия (надо Вам сказать, батюшка мой появился и осел в тех краях недавно и случайно, сам-то он был родом из Кента). Жестокое поветрие, унесшее в могилу родителей, и меня задело своим страшным крылом, но моя болезнь была столь слабой и с такими благоприятными

проявлениями, что оказалась я невредимой и даже (цены чему в то время не осознавала) нисколько не помеченной оспинами. Не стану описывать состояние горя и скорби, в какое я само собою впала при таких безрадостных обстоятельствах. Малый возраст да присущее ему легкомыслие скоро развеяли мои мысли о невозполнимой утрате. Скажу, что ничто так не помогло мне преодолеть горькую безысходность, как намерение (сразу пришедшее мне на ум) уехать в Лондон и поступить там в услужение, в чем мне были обещаны всемерное содействие и советы некоей Эстер Дэвис, молодой женщины, приехавшей повидать друзей и собиравшейся, погостив несколько дней, возвращаться в столицу.

Ни единую живую душу во всей деревне нисколько не беспокоили ни моя судьба, ни мое будущее, так что отговаривать меня от моей затеи было некому. А та женщина, которой после смерти моих родителей пришлось приютить меня, не только не отговаривала, а скорее даже подталкивала меня к тому, чтобы затеянное осуществилось. Надо ли удивляться, что вскоре я твердо решила пуститься познавать обширный мир, отправившись в Лондон на поиски своего счастья. Между прочим, цель, заключенная в этой фразе, куда большему числу деревенских искателей приключений поломала судьбу, чем хоть кому-нибудь из них помогла устроиться в жизни или преуспеть в ней.

А тут еще Эстер Дэвис, легко отводя все страхи, вдохновляла меня на совместную поездку, она прямо-таки распяляла мое детское любопытство описаниями всяческого великолепия, какое предстает глазам в Лондоне, — гробниц, львов, короля, королевского семейства, прекрасных спектаклей

и опер, — короче, всех тех развлечений, к которым получают доступ люди ее круга и в которых любой пустиак мог вскружить мою юную головку.

И еще прибавьте (до сих пор не могу без смеха вспоминать об этом) то невинное восхищение, слегка приправленное горчинкой зависти, с каким мы, бедные девочки, чье представление о выходном — для церкви — наряде не поднималось выше прямого платья из грубого полотна да шерстяной мантильи, пялились на фасонистые атласные платья Эстер, ее чепцы, аляповато украшенные кружевами и цветными лентами, ее шитые серебром туфельки. Нам грезились, будто такие роскошества в Лондоне росли прямо на деревьях, в душе разгоралось упрямое желание попасть туда и сорвать свою долю.

В те времена путешествие в компании с горожанкой было явлением обыкновенным, и Эстер, дабы решиться взять меня на свое попечение на время поездки, доставало уже того, что она сможет всю дорогу до столицы рассказывать мне, как, по ее собственному выражению, «были служанки некоторые из деревни, что и себя, и всю родню свою на всю жизнь обеспечили: целомудрие блюли и с хозяевами так дела повели, что те на них женились, — стали в каретах ездить, зажили счастливо в свое удовольствие, а иные, говорят, и в герцогини вышли». «Все от удачи зависит, — вздыхала Эстер, — так почему бы ей и мне, как любой другой какой, не улыбнуться?» Были и иные рассказы, заставлявшие меня всей душой стремиться навстречу многообещающему путешествию, не оглядываясь на место, даром что родное, где меня все больше угнетал переход от заботливого домашнего тепла к холодку благотворительности в доме приютившей меня из жалости женщины, от